

СИМВОЛ
РОССИИ

ЧЕХОВ

ПРОСТО О ВЕЛИКОМ

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова
Александр Павлович Чехов
Михаил Павлович Чехов
Чехов. Просто о великом
Серия «Символ России»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74614401

*Чехов. Просто о великом / А. П. Чехов, М. П. Чехов, О. Л. Книппер-Чехова: Родина; Москва; 2026
ISBN 978-5-00269-371-9*

Аннотация

«Ничего резкого, – ни движения, ни слова, ни слишком громкого голоса, ни умствующего рассуждения!.. Чехов становился грустным и уклончивым, и даже кротко-неприязненным, когда при нем начинали умствовать. Он торопился ускользнуть от разглагольствующего интеллигентски гостя к другому гостю, с которым сейчас же начинался легкий разговор, полный маленьких подробностей жизни и блесков веселой, легкой насмешки», – писал Константин Бальмонт о А. П. Чехове.

Те же черты подметил И. Е. Репин, назвавший Чехова «врагом сантиментов и выпренных увлечений». В воспоминаниях братьев писателя – Александра и Михаила, – и его жены Ольги

Книппер-Чеховой он показан со всеми своими человеческими чертами, которые позволяли ему просто рассказывать о сложном, и в малом раскрывать значительное.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вместо предисловия	6
Детство Чехова[1]	11
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**Александр Чехов,
Михаил Чехов, Ольга
Книппер-Чехова
Чехов. Просто о великом**

© ООО «Издательство Родина», 2026.

Вместо предисловия

Русская духовная жизнь 90-х годов XIX века и первого десятилетия XX неразрывно связана с именем А. П. Чехова. Он воплотил в своей творческой личности так много художественного содержания, связанного с основными душевными качествами русских людей и отображающего тяжелую пору упадка, распада, угнетенности сердец, что его писания являются одним из лучших исторических документов, не говоря уже о высоких чисто художественных их качествах.

Но мне хочется сказать о Чехове несколько слов совершенно личного порядка. Я встречался с ним неоднократно в Москве и в Ялте и видел его в разной обстановке: в «Большом Московском» ресторане; в семейном кругу; в его собственной московской квартире, где среди гостей он казался мне одиноким; в его одинокой жизни в Крыму, где, завтракая с приятелем, он казался довольным и не нуждающимся ни в чьем обществе; я видел его беседующим, – дружески и с простотой безукоризненной беседующим – с гением в крымском доме Льва Толстого; я снова видел его среди его празднующих людей, все в той же Ялте и все таким же одиноким, каким он мне всегда казался, когда он бывал в многолюдной комнате. И я полюбил Чехова за эту черту, когда я был еще совсем молод и только что начал свою литературную дорогу. И я любил его, когда он, Горький и я, мы возвращались в Ял-

ту, после 2 или 3 часов, проведенных в обществе Толстого.

Я полюбил Чехова, однако, и ранее встречи с ним. В 1889 году, 22 лет, только что женившись и объездив Кавказ, душевно истерзанный, истомленный и понявший, что сделана какая-то, как казалось мне, непоправимая жизненная ошибка, я вернулся в родную деревушку Шуйского уезда, Владимирской губернии, и в расцветном мае предался страстному изучению в подлиннике поэзии Гёте и особенно Гейне. Злополучная судьба Гейне и блестящая, полная равновесия судьба Гёте мне казались взаимно дополняющими одна другую и как-то несказанно-таинственно изъясняющими мне, чуть-чуть начинающему поэту, судьбу писателя как писателя.

Кто-то из знакомых подарил мне книжку Чехова «В сумерках». Я начал читать эту книгу с недоверием, но тотчас же отодвинулись от меня и Гейне и Гёте. Я читал ее медленно, не желая испортить впечатления торопливостью. Она меня поразила. А один маленький рассказ – чуть ли он не называется «Колдунья» или «Ведьма», – вызвал в душе моей художественный трепет, который я и сейчас, вспоминая, чувствую, – жуть от женщины, чарою которой неудержимо привлечен.

Я что-то читал еще тогда Чехова. Но мне не понравилось это. А потом моя внутренняя жизнь совсем отбросила меня от желания читать его. Во мне самом было столько тоски и угнетенности, что каждая страница Чехова была не про-

тивоядием, а увеличением душевной отравленности. Полоса отчаяния привела к исканию смерти. Смерть показала свой лик и ушла. А из предельного отчаяния вырос такой взрыв радости, возник такой расцвет воли к жизни, к творчеству, к счастью, такая воля к воле, что чеховское творчество навсегда стало мне чуждым. Однако не он сам. Тонкая верность его художественной кисти всегда чувствовалась и очаровывала. И скоро я с Чеховым встретился. Но опять только в области художественно-словесной.

В 1893 году, летом, я был в Скандинавии – в Швеции, в Норвегии, в Дании. Во время этого путешествия я написал, между прочим, весьма меня прославившее стихотворение «Чайка». Я позволю себе припомнить его здесь.

*Чайка, серая чайка, с печальными криками носится
Над холодной пучиной морской,
И откуда примчалась? Зачем? Почему ее жалобы
Так полны безграничной тоской?
Бесконечная даль. Неприветное небо нахмурилось.
Закурчавилась пена седая на гребне волны.
Плачет северный ветер, и чайка рыдает, безумная,
Бесприютная чайка из дальней страны.*

Когда я говорю себе сейчас «Чехов» и духовным оком погружаюсь в прошлое, мне вспоминаются неотступно два лица, оба кроткие, и полные легкой грустной шутки, и дышащие тонкой художественностью, являющие во всем художе-

ственное восприятие мира и жизни, а не подход к ним чисто умственный. Эти два лица – лицо Чехова и лицо Левитана. Сколько в них было пленительно-истомной, томящейся русской грусти! Сколько нежелания ничего резкого, ни движения, ни слова резкого, ни даже слишком громкого голоса, ни умствующего рассуждения! Легкая, хваткая, меткая, быстрая оценка – одним словом, одной усмешкой, одним жестом – определение сразу, на лету, и явления, и события, и живого существа. Это есть художественное восприятие жизни и мира.

Чехов становился грустным, и уклончивым, и даже кротко-неприятным, когда при нем начинали уминовать. Он торопился ускользнуть от разглагольствующего интеллигентски гостя к другому гостю, с которым сейчас же начинался легкий и чисто личный разговор, полный маленьких подробностей жизни и полный блесок веселой, легкой насмешки...

Тонкое искусство Чехова, его творчество, полное душевной боли, и великой разборчивости, и осторожности в выборе средств, духовное угадание Чехова на протяжении десятилетий стало лишь виднее и очаровательнее, и большую, все большую силу благого колдования приобретает. Верным, хоть и случайным, показателем этого является его все растущая слава в Англии, где его любят как родного, во Франции, даже в Америке. Чехов – тонкий, чистый, благородный художник. Он – верный того святилища, которое называет-

ся Искусством. И прав французский поэт, сказавший: «Seul l'Arte est robuste» – «Только Искусство крепко».

К. Бальмонт.

Детство Чехова¹

Антоша – ученик 1-го класса таганрогской гимназии – недавно пообедал и только что уселся за приготовление уроков к завтрашнему дню. Перед ним латинская грамматика Кюнера. Урок по-латыни трудный: нужно сделать перевод и выучить слова. Потом – длинная история по закону божью. Придется посидеть за работою часа три. Зимний короткий день уже подходит к концу; на дворе почти темно, и перед Антошей мигает сальная свечка, с которой приходится то и дело снимать щипцами нагар.

Антоша обмакнул перо в чернильницу и приготовился писать перевод. Отворяется дверь, и в комнату входит отец Антоши, Павел Егорович, в шубе и в глубоких кожаных калошах. Руки его – серо-синие от холода.

– Тово... – говорит Павел Егорович, – я сейчас уйду по делу, а ты, Антоша, ступай в лавку и смотри там хорошенько.

У мальчика навертываются на глаза слезы, и он начинает усиленно мигать веками.

– В лавке холодно, – возражает он, – а я и так озяб, пока шел из гимназии.

– Ничего... Оденься хорошенько – и не будет холодно.

– На завтра уроков много...

¹ Из воспоминаний Ал. П. Чехова.

– Уроки выучишь в лавке... Ступай да смотри там хорошенько... Скорее!.. Не копайся!..

Антоша с ожесточением бросает перо, захлопывает Кюнера, напяливает на себя с горькими слезами ватное гимназическое пальто и кожаные рваные калоши и идет вслед за отцом в лавку. Лавка помещается тут же, в этом же доме. В ней – невесело, а главное – ужасно холодно. У мальчиков-лавочников Андрюшки и Гаврюшки – синие руки и красные носы. Они поминутно постукивают ногою об ногу, и ежась, и сутуловато жмутся от мороза.

– Садись за конторку! – приказывает Антоше отец и, перекрестившись несколько раз на икону, уходит.

Мальчик, не переставая плакать, заходит за прилавок, взбирается с ногами на ящик из-под казанского мыла, обращенный в сиденье перед конторкой, и с досадою тычет без всякой надобности пером в чернильницу. Кончик пера натывается на лед: чернила замерзли. В лавке так же холодно, как и на улице, и на этом холоде Антоше придется просидеть по крайней мере часа три: он знает, что Павел Егорович ушел надолго... Он запихивает руки в рукава и съезживается так же, как и Андрюшка и Гаврюшка. О латинском переводе нечего и думать. Завтра – единица, а потом – строгий нагоняй от отца за дурную отметку...

Едва ли многим из читателей и почитателей Ант. П. Чехова известно, что судьба в ранние годы его жизни заставила его играть за прилавком роль мальчика-лавочника в бакалейной лавке среднего разряда. И едва ли кто поверит, что этот строгий и безусловно честный писатель-идеалист был знаком в детстве со всеми приемами обмеривания, обвешивания и всяческого торгового мелкого плутовства. Покойный Антон Павлович прошел из-под палки эту беспощадную подневольную школу целиком и вспоминал о ней с горечью всю свою жизнь. Ребенком он был несчастный человек.

В его произведениях внимательному читателю бросается в глаза одна, не особенно заметная с первого взгляда, черта: все выведенные им дети — существа страждущие или же угнетенные и подневольные. Варьке, отданной в услужение к мастеровому, нет времени выспаться, и она душит ребенка в колыбели, чтобы сладко заснуть («Спать хочется»). Егорушка, которого родственник и сельский священник везут в город учиться, не выдастся во всем длинном рассказе («Степь») ни одной чертой, которая говорила бы о его жизнерадостности. Даже группа детей, так оживленно играющая в лото («Детвора»), играет не в силу потребности детски-беззаветно повеселиться, а от гнетущей скуки, на которую обрекли эту детвору уехавшие в гости родители. Большинство

чеховских детей нарисовано автором так, что читателю, познакомившемуся с ними, невольно делается как-то жаль их и грустно.

Этот тон и эти мастерски написанные, с оттенком грусти, портреты детворы выхвачены прямо из жизни и находят себе объяснение в далеком прошлом автора и в его собственном детстве. В зрелые годы своей жизни он не раз говаривал в интимном кружке родных и знакомых:

– В детстве у меня не было детства...

Антон Павлович только издали видел счастливых детей, но сам никогда не переживал счастливого, беззаботного и жизнерадостного детства, о котором было бы приятно вспомнить, пересматривая прошлое. Семейный уклад сложился для покойного писателя так неудачно, что он не имел возможности ни побегать, ни порезвиться, ни пошалить. На это не хватало времени, потому что все свое свободное время он должен был проводить в лавке. Кроме того, на всем этом лежал отцовский запрет; бегать нельзя было потому, что «сапоги побьешь»; шалить запрещалось оттого, что «балуются только уличные мальчишки»; играть с товарищами – пустая и вредная забава: «товарищи бог знает чему научат»...

– Нечего баклуши бить на дворе; ступай лучше в лавку да смотри там хорошенько; приучайся к торговле! – слышал постоянно Антон Павлович от отца. – В лавке по крайней мере отцу помогаешь...

И Антону Павловичу приходилось с грустью и со слезами отказываться от всего того, что свойственно и даже настоятельно необходимо детскому возрасту, и проводить время в лавке, которая была ему ненавистна. В ней он, с грехом пополам, учил и недоучивал уроки, в ней переживал зимние морозы и коченел и в ней же тоскливо, как узник в четырех стенах, должен был проводить золотые дни гимназических каникул. Товарищи в это время жили по-человечески, запасались под ярким южным солнцем здоровьем, а он сидел за прилавком от утра до ночи, точно прикованный цепью. Лавка эта, с ее мелочною торговлей и уродливой, односторонней жизнью, отняла у него многое.

Сидя у конторки за прилавком, получая с покупателей деньги и давая сдачу, Антоша видит постоянно одни и те же, давно знакомые и давно уже надоевшие, лица с одними и теми же речами. Это – мелкие хлебные маклера-завсегдатаи, свившие себе гнездо в лавке Павла Егоровича. Лавка служит для них клубом, в котором они за рюмкой водки празднично убивают время. А зимою дела у них нет никакого: привоза зернового хлеба из деревень нет, им покупать и перепродавать нечего. Купля и перепродажа идут у них только летом и осенью. Перехватив едущего в город с хлебом мужика еще на дороге, они покупают у него товар, перепродают с надбавкою крупному экспортеру вроде Вальяно или Скараманги – и этим ремеслом и живут. У каждого из них есть квартира и семья, но они предпочитают проводить время в лавке

Павла Егоровича и от времени до времени выпивать в круговую по стаканчику водки, благо хозяин верит им в долг и почти всегда составляет им компанию. Говорят они обо всем, но большею частью пробавляются выдохшимися и не всегда приличными анекдотами и при этом всегда прибавляют:

– А ты, Антоша, не слушай. Тебе рано еще...

* * *

Павел Егорович – отец Антоши – торговал бакалейным товаром. На его большой черной вывеске были выведены сульфальным золотом слова: «Чай, сахар, кофе и другие колониальные товары». Вывеска эта висела на фронтоне, над входом в лавку. Немного ниже помещалась другая: «На вынос и распивочно». Эта последняя обозначала собою существование погреба с сантуринскими винами и с неизбежною водкой. Внутренняя лестница вела прямо из погреба в лавку, и по ней всегда бегали Андрюшка и Гаврюшка, когда кто-нибудь из покупателей требовал полкварты сантуринского или же кто-нибудь из праздных завсегдатаев приказывал:

– Принеси-ка, Андрюшка, три стаканчика водки, а вы, Павел Егорыч, запишите за мной...

Оба торговые заведения – и бакалейная лавка, и винный погреб – были тесно связаны между собою и составляли одно целое, и в обоих Антоша торговал, отвешивая и отмеривая и даже обвешивая и обмеривая, насколько ему позволяли его

детские силы и смекалка. Потом уже, когда он подросток и вошел в разум, мелкое плутовство стало ему противным и он начал с ним энергичную борьбу, но, будучи мальчиком-подростком, и он подчинялся бессознательно общему ходу торговли, и на нем лежала печать мелкого торгаша со всеми его недостатками.

Тем лицам, которые знакомы лишь с столичными колониальными магазинами, вроде Милютиных рядов на Невском, едва ли удастся составить себе представление о том, что такое бакалейная лавка в провинции, да еще в то отдаленное время, когда Антоша был подростком. Даже столичную овощную лавочку, в которой торговля ведется по мелочам, нельзя сравнить с бакалейною лавкой Павла Егоровича. Это было весьма своеобразное торговое заведение, вызванное к жизни только местными условиями. Здесь можно было приобрести четвертку и даже два золотника чая, банку помады, дрянной перочинный ножик, пузырек касторового масла, пряжку для жилетки, фитиль для лампы и какую-нибудь лекарственную траву или целебный корень вроде ревеня. Тут же можно было выпить рюмку водки и напиться сантуринским вином до полного опьянения.

Рядом с дорогим прованским маслом и дорогими же духами «Эсс-Букет» продавались маслины, винные ягоды, мраморная бумага для оклейки книг, керосин, макароны, слабительный александрийский лист, рис, аравийский кофе и сальные свечи. Рядом с настоящим чаем продавался и спи-

той чай, собранный евреями в трактирах и гостиницах, высушенный и подкрашенный. Конфеты, пряники и мармелад помещались по соседству с ваксою, сардинами, сандалом, селедками и жестянками для керосина или конопляного масла. Мука, мыло, гречневая крупа, табак-махорка, нашатырь, проволочные мышеловки, камфара, лавровый лист, сигары «Лео Виссора в Риге», веники, серные спички, изюм и даже стрихнин (кучелаба) уживались в самом мирном соседстве. Казанское мыло, душистый кардамон, гвоздика и крымская крупная соль лежали в одном углу с лимонами, копченой рыбой и ременными поясами.

Словом, это была смесь самых разнообразных товаров, не поддающихся никакой классификации. Лавка Павла Егоровича была в одно и то же время и бакалейной лавкой, и аптекой без разрешения начальства, и местом распивочной торговли, и складом всяческих товаров – до афонских и иерусалимских будто бы святынь включительно, – и клубом для праздных завсегдатаев. И весь этот содом, весь этот хаос ютился на очень небольшом пространстве обыкновенного лавочного помещения с полками по стенам, с страшно грязным полом, с обитым рваною клеенкой прилавком и с небольшими окнами, защищенными с улицы решетками, как в тюрьме.

В лавке, несмотря на постоянно открытые двери на улицу, стоял смешанный запах с преобладающим букетом деревянного масла, казанского мыла, керосина и селедок, а иногда и

сивухи. И в этой атмосфере хранился чай – продукт, как известно, очень чуткий и восприимчивый к посторонним запахам. Были ли покупатели Павла Егоровича людьми нетребовательными и не особенно разборчивыми, или же чай, лежа целыми месяцами рядом с табаком и мылом, удачно сохранял свой аромат – сказать трудно. Но покупатели не жаловались. Бывали, правда, случаи, что сахар отдавал керосином, кофе – селедкой, а рис – сальной свечкой, но это объяснялось нечистотой рук Андрюшки и Гаврюшки, которые тут же и получали возмездие в форме подзатыльников или оплеух – и нарочно в присутствии публики, чтобы покупатель видел, что с виновных взыскивается неукоснительно и строго.

То были блаженные, патриархальные времена, когда не существовало ни санитарных правил, ни разных обязательных постановлений и когда представитель пожарной команды, на которого был возложен надзор за хранением в лавках керосина и огнеопасных веществ, делал периодические набег и, выпив несколько рюмок водки и получив два-три двугривенных, мирно уходил и только на пороге вспоминал:

- А как у вас... тово?..
- Слава богу, все хорошо-с...
- Безопасно?
- Вполне безопасно-с...
- Ну, то-то же... А то ведь сгорите...

Существовала одна лишь торговая депутация, но и та преследовала одни только фискальные цели: все ли торговые до-

кументы налицо, а до остального ей не было дела. Торгуя хоть хлебом с тараканами – это ее не касалось.

* * *

Антоша, сидя в лавке, должен был знать, где, на какой полке и в каком ящике хранится такой-то товар. Павел Егорович требовал, чтобы все отпускалось покупателю без замедления и моментально. Если покупатель требовал сальную свечу за три копейки, перцу на копейку и за две копейки селедку, то Андрюшка стремглав летел вниз по лестнице в погреб за свечкой, Гаврюшка лез под самый потолок за перцем, а Антоша вылавливал крючком на палке из бочонка ржавую астраханку.

Назначение многих товаров было для Антоши-гимназиста долгое время загадкой.

– Папаша, для чего продается семибратняя кровь? – спрашивал он у отца.

– От лихорадки.

– А гнездо?

– Когда вырастешь, тогда и узнаешь...

Семибратняя кровь – это известковый скелет привозимого из-за границы коралла. Это – трубчатый камень темно-малинового цвета, совершенно нерастворимый в воде. От такого лекарства всякий доктор пришел бы в ужас. Но обыватели толкли его в порошок, пили с водкой во время лихорадки.

ки и... слава богу, оставались живы. А пресловутое «гнездо» так и осталось для Антона Павловича неразгаданным даже и тогда, когда он уже сам был врачом. В состав этого удивительного лекарства входило многое множество каких-то трав, порошков и минералов. Антон Павлович уже в зрелые годы пробовал записать по памяти состав этого «гнезда» и вспомнил, между прочим, что туда входили: нефть, металлическая ртуть (живое серебро), азотная кислота (острая водка), семибратняя кровь, стрихнин (кучелаба), сулема, какой-то декокт в виде длинных серых палочек и целая уйма всякой дряни. Все это настаивалось на водке и давалось внутрь столовыми ложками.

Употребление этого лекарства Антоша узнал случайно раньше того времени, которое Павел Егорович определил словами: «Когда вырастешь, тогда и узнаешь». Вошел однажды в лавку хохол и потребовал у Павла Егоровича «четверть гнезда». Антоша был тут же.

– Для какой вам надобности? – осведомился Павел Егорович.

– Жинка родила, и теперь у нее в животе уже третий месяц золотник ходит, – ответил хохол.

Антоша тотчас же вообразил, что хохлушка, о которой шла речь, вероятно нечаянно проглотила тот самый медный золотник, который кладется на весы, когда отвешивается на две копейки чаю. Но для Павла Егоровича этого диагноза было совершенно достаточно, и он немедленно принялся за

приготовление лекарства.

– А будет «гнездо» действовать? – усомнился хохол.

– Непременно подействует, – уверенно ответил Павел Егорович. – Сам видишь, тут разные специи: одно потянет сюда, другое – туда; золотник и перестанет ходить по животу...

Хохол удовлетворился вполне этим ответом, уплатил деньги и ушел совершенно довольный. Но Антон Павлович потом, уже изучая в университете химию, никак не мог додуматься до того, какую пользу могла принести роженице металлическая ртуть, принятая внутрь в смеси с нефтью и азотной кислотой.

– Много, вероятно, отправило на тот свет людей это «гнездо», – говаривал он, уже будучи врачом.

А между тем в дни детства он отвешивал разные снадобья для этого лекарства с такою спокойною совестью, с какою отвешивал кофе или отмеривал конопляное масло...

Долго помнил Антон Павлович и какой-то «сорокатравник», продававшийся в пакетах, завернутых в выцветшую золотую и серебряную бумагу. Что это были за травы – так и осталось неизвестным; известно было только одно, что водочный настой их рекомендовался буквально от всех болезней, особенно же при горячке. Помнил Антон Павлович также и «всеисцеляющий пластырь доктора Алякринского», продававшийся в круглых картонных коробочках. С этим пластырем, между прочим, на глазах у Антоши был произве-

ден эксперимент. По Таганрогу ходил и нищенствовал дурачок Климка. Зашел он за милостыней и в лавку к Павлу Егоровичу как раз в то время, когда компания праздных маклеров-завсегдатаев была уже порядочно на взводе. От нечего делать эта милая компания предложила Климке стакан водки и пятак под условием, что он закусит выпивку пластырем Алякринского. Дурачок согласился и съел целую коробочку. После этого его еще много лет видели на похоронных и свадебных процессиях здоровым и невредимым...

Несмотря, однако же, на такой удачный исход, пластырь этот находил себе мало покупателей. Одну коробку его взял полицейский чиновник для своей опаршивевшей охотничьей собаки, но денег не заплатил, а Павел Егорович напомнить ему о долге не решался и только однажды, при встрече на базаре; заискивающим тоном спросил:

– Что, как собачка ваша? Поправилась от пластыря?

– Издохла, – ответил угрюмо полицейский. – У нее в животе завелись черви...

* * *

– Антоша, бери ключи и ступай с Андрюшкой и Гаврюшкой отпирать лавку! А я к поздней обедне пойду, – отдаст приказ Павел Егорович.

Мальчик с кислою миной поднимается из-за стола, за которым только что пил чай, и без возражений идет исполнять

приказание, хотя ему и очень грустно. Он еще вчера условился с товарищем-соседом прийти к нему играть в мяч.

– Павел Егорович, пожалей ты ребенка! – вступается Евгения Яковлевна, мать Антоши. – Ведь ты его чуть свет разбудил к ранней обедне... Он обедню выстоял, потом домашний акафист выстоял... Ты ему не дал даже и чаю напиться как следует... Он устал...

– Пускай приучается, – отвечает Павел Егорович. – Я тружусь, пускай и он трудится... Дети должны помогать отцу.

– Он и так всю неделю в лавке сидит. Дай ему хоть в воскресенье отдохнуть.

– Вместо отдыха он баловаться с уличными мальчишками начнет... А если в лавке никого из детей не будет, так Андрюшка с Гаврюшкой начнут пряники и конфекты лопать, а то и деньги воровать станут... Сама знаешь, без хозяина товар плачет...

Против этого аргумента даже и Евгения Яковлевна ничего возражать не может, и ее доброе материнское чувство невольно отступает на второй план. Она так же, как и Павел Егорович, убеждена в том, что Андрюшка и Гаврюшка – страшные воры и что за ними нужно смотреть и смотреть, хотя ни один из них до сих пор еще не был уличен.

Бакалейная торговля в своей внутренней жизни имеет довольно большое место: мелкие хищения – с одной стороны, и болезненная подозрительность – с другой. Хозяину кажется, что пряники, орехи, конфекты и всякий съедобный то-

вар очень соблазнительны для мальчиков-лавочников, а дорогие деликатесы вроде икры и балыка – для приказчиков. Поэтому у него всегда болит сердце. Он не может отлучиться из лавки ни на минуту без того, чтобы его не преследовала мысль о расхищении его добра. Ему вечно грезится, что его служебный персонал без него набивает себе рты и карманы самым бессовестным образом.

Павел Егорович на этот счет не составлял исключения, и всегдашней его поговоркой было:

– Без хозяина товар плачет... Свой глаз всегда нужен...

Ввиду этого все дети Павла Егоровича испытали на себе каторжную тяготу сидения в лавке в качестве «своего глаза». Но более всего доставалось двум старшим сыновьям – Саше и Антоше. Эти с самых детских, юных лет сделались постоянными и неотлучными сидельцами за прилавком. Боязнь хищений была так велика, что если Павлу Егоровичу нужно было отлучиться, когда дети были в гимназии, то он обращался к жене:

– Иди хоть ты посиди, покамест я вернусь...

Пока Андрюшка и Гаврюшка отпирали лавку, выметали пол и приводили в порядок мешки и ящики с товаром, придавая им приличный вид, Антоша безучастно смотрел на их работу и думал только о себе, об игре в мяч, с которой теперь нужно было распрощаться, и о своей каторжной жизни. Потом его мысли перешли на гимназию, и он с ужасом вспомнил, что благодаря лавке же получил вчера двойку и

что за эту подлую отметку ему еще придется отвечать перед отцом. Павел Егорович никак не мог допустить, чтобы в лавке нельзя было приготовить какой-нибудь глупой латыни, и объяснял дурные отметки детей леностью и рассеянностью.

— Ведь нахожу же я время прочесть за конторкой две ка-
физмы из псалтири, а ты не можешь маленького урока вы-
учить!.. — упрекал он виновного сына. — Если еще раз прине-
сешь дурные отметки, я тебя выдеру, как Сидорову козу...

Павел Егорович Чехов.

Павел Егорович, как религиозный человек, действительно имел обыкновение прочитывать каждый день по главе евангелия и апостола и по две кафизмы из псалтири, но это была работа механическая, без понимания и смысла, – лишь бы было вычитано до конца. Так, если верить рассказам, калмыки в степях заставляют ветер вертеть мельнички, нутро которых начинено бумажками с молитвами. Чем больше раз обернется мельничка, тем ближе калмык к богу...

Уходя из дому надолго, Павел Егорович сплошь и рядом обращался к Саше или к Антоше с приказанием:

– Вычитай без меня две кафизмы с того места, где ленточкою заложено... Все-таки не праздно сидеть будешь...

И на этот раз, уходя к поздней обедне и уводя с собою прочих детей, отец обратился к Антоше с тою же фразой:

– Почитай псалтирь, пока мы будем в церкви...

С уходом хозяина Андрюшке и Гаврюшке стало вдруг веселее. Они уже не так усердно приводили лавку в порядок и даже пустились с Антошей в разговоры.

– А знаешь, Антоша, – заговорил таинственно Гаврюшка, – я воробыное гнездо нашел.

– Где? – живо встрепенулся Антоша.

– В сарайчике. Пошел туда за углем и слышу – под крышей: цвиринь-цвиринь... Полез туда, а там – гнездо и пять маленьких-маленьких яичек...

– Покажи мне...

– После когда-нибудь покажу... Когда в другой раз папаша не будет дома.

Теперь Антоша забыл все: и двойку, и мяч, и псалтирь, которую с такою неохотой и досадой взял было в руки. Теперь он весь поглощен интересным открытием Гаврюшки.

Андрюшка и Гаврюшка – его друзья, настолько, конечно, насколько допустима дружба между хозяйским сыном и мальчиками-лавочниками, состоящими и обязанными состоять в подчинении и не зазнаваться.

* * *

Андрюшка и Гаврюшка – родные братья, привезенные матерью-крестьянкой из Харьковской губернии и отданные к Павлу Егоровичу в «ученье на года». Когда их привезли, первому было двенадцать, а второму – только десять лет. Если бы их мать-хохлушка, задавшаяся целью «вывести своих детей в люди», знала заранее, на какую жизнь она их обрекает, – то оба они, наверное, ходили бы до конца дней в своей родной слободе за плугом. Она, эта мать, увидела бы, что самая тяжелая крестьянская жизнь во сто раз легче той, которую вели в городе эти два несчастные хохленка. Они были отданы, или, вернее, закабалены, на пять лет каждый, без всякого жалованья, за одни только харчи и платье. Жалованье начиналось только на шестой год, и то – по усмотрению

хозяйина.

Лавка открывалась и летом, и зимою в пять часов утра, а запиралась не ранее одиннадцати часов вечера, а если завсегдатаи засиживались в приятной беседе, — то и в первом часу ночи. Поэтому Андрюшка с Гаврюшкою никогда не высыпались и ходили вечно сонные и способные спать среди дня в каком угодно положении — и сидя, и стоя. Все свое свободное время они должны были стоять в дверях лавки, высматривать покупателей и зазывать их. Но они, прислонившись к дверным косякам, превосходно спали. При этом у них подкашивались в коленях ноги; они приседали и опять, во сне же, нервно вскакивали и выпрямлялись.

Хождение на базар за провизией, черные работы по дому и беготня по поручениям лежали на их обязанности. Как они выдерживали все это — трудно сказать. Если же прибавить к этому, что при такой работе ходить в баню было некогда и оба они представляли собою подобие ходячих зверинцев, то можно смело сказать, что едва ли нашелся бы в мире человек, который позавидовал бы этим хохлятам...

Антоша чувствовал к ним симпатию, потому что их на его глазах били. Он с самых ранних лет под благодетельным влиянием матери не мог видеть равнодушно жестокого обращения с животными и почти плакал, если видел, что ломовой извозчик бьет лошадь. А когда били людей, то с ним делалась нервная дрожь. В обиходе же Павла Егоровича оплеушины, подзатыльники и порка были явлением самым обыкновен-

ным, и он широко применял эти исправительные меры и к собственным детям, и к хохлятам-лавочникам. Перед ним все трепетали и боялись его пуще огня. Евгения Яковлевна постоянно восставала против этого, но получала всегда один и тот же ответ:

– И меня так же учили, а я, как видишь, вышел в люди. За битого двух небитых дают. Оттого, что дурака поучишь, – ничего худого, кроме пользы, не сделается. Сам же потом благодарить будет...

Павел Егорович говорил это искренне и верил в то, что говорил. По природе он был вовсе не злым и даже скорее добрым человеком, но его жизнь сложилась так, что его с самых пеленок драли и в конце концов заставили уверовать в то, что без лозы воспитать человека невозможно.

Разубедился он в этом уже в глубокой старости, когда жил на покое у Антона Павловича – тогда уже известного писателя – в Мелихове, под Москвой. В Мелихово часто съезжались из Петербурга и из Москвы все дети Павла Егоровича – уже женатые и семейные люди. Самые интересные беседы в тесном семейном кругу, под председательством Антона Павловича, велись большей частью за столом и особенно за ужином, после дневных трудов и работ. Однажды стали в присутствии Павла Егоровича вспоминать прошлое и, между прочим, вспомнили и лозу. Лицо старика опечалилось.

– Пора бы уж об этом и позабыть, – проговорил он виноватым тоном. – Мало ли что было в прежнее время?! Прежде

думали иначе...

* * *

Проводив отца и братьев к обедне и выслушав от Гаврюшки историю о найденном воробьином гнезде, Антоша попробовал было заняться псалтирью, но это ему показалось скучным. Он переложил ленточку за несколько листов вперед и отложил книжку в сторону. Все равно отец подумает, что эти листки прочитаны...

Скучно. Покупателей еще нет. Андрюшка уселся в соседней с лавкой комнате на ящике из-под мыла, облокотился об стол и сладко спит. Гаврюшка тоже дремлет и приседает коленками в дверях. От нечего делать Антоша начинает наблюдать за мухоловкой и следить, как гибнут в ней мухи. В летнее время в лавке мух – миллиарды. От них весь товар завешивается сплошным куском зеленой марли от потолка и почти до пола. Но пряный запах лавки и сластей привлекает тучи этих насекомых. Чтобы хоть немного избавиться от них, придуман нехитрый, но, по правде сказать, отвратительный способ их ловли. Большая стеклянная банка из-под варенья наливается до половины подслащенной медом водою и плотно закрывается сверху коркой черного хлеба, в центре которой просверлена небольшая дырочка. Мухи пролезают в эту дырочку в банку и уже назад не возвращаются – почему-то тонут в воде. Часа через три воды уже нет: вместо нее

– отвратительная каша из мертвых и раздувшихся мух...

Антоша смотрит, как мухи вползают в дырочку, и смотрит долго-долго...

Является первый покупатель – еврейский мальчик лет шести.

– Дайте на две копейки чаю и на три копейки сахару, – говорит он с акцентом и выкладывает на прилавок пятак.

Антоша достает из ящика уже развешенный в маленькие пакетики товар и подает. Но Гаврюшка не прочь позабавиться над маленьким покупателем и загораживает дорогу к дверям.

– Хочешь, я тебя свиным салом накормлю? – говорит он.

Еврейчик пугается, собирается заплакать и вызывает к отсутствующей матери:

– Маме!..

– Лучше отрежем ему ухо! – добавляет проснувшийся Андрюшка...

Напуганный еврейчик стремглав выбегает из лавки, и можно быть уверенным, что он за следующей покупкой пойдет уже в другую лавку. Если бы Павел Егорович знал, что в его отсутствие так обращаются с покупателями, то порка была бы неизбежною. Впрочем, и на этот раз Немезида не дремлет. С маленьким еврейчиком в дверях сталкивается за-всегда́тай, маклер Николай Стаматич, о котором даже самые близкие к нему люди говорили, что он грек – не грек, русский – не русский, армянин – не армянин, а так, черт его

знает, что он такое. Он слышал разговор с еврейским мальчиком и уже на пороге с торжествующим видом восклицает:

– Хорошо же вы без хозяина торгуете, нечего сказать! Этак вы покупателей только отбиваете. Погоди, Антоша, я это папаше расскажу. Он тебя березовой кашей накормит...

Антоша бледнеет, и душа его забирается в пятки.

– Андрюшка, подай стаканчик водки!

Николай Стаматич усаживается на стул и долго читает нравоучение, от которого всех троих мальчуганов бросает то в жар, то в холод. Проповедник видит произведенный эффект и все больше и больше воодушевляется. Антоша начинает горько плакать. По счастью, является другой завсегдатай – грек Скизерли, тоже требует водки, и между приятелями завязывается беседа. Неприятная история позабыта.

Входит прислуга с грязною керосиновой бутылкой.

– Дайте фунт газу.

Хохлы долго называли керосин газом. Андрюшка берет бутылку, взвешивает ее и затем из большой жестянки начинает наливать керосин. Хохлушка, закинув голову и раскрыв рот, следит за стрелкой весов. Андрюшке это недоверие не нравится, и он незаметно подталкивает чашку весов. Покупательница за свои четыре копейки получает меньше фунта, но не замечает этого и уходит. Антоша видит, что Андрюшка сплутовал, но молчит. Обвешивание и обмеривание – в порядке вещей. Он уже давно привык к этому и думает, что так и надо. Андрюшка с Гаврюшкою даже споры ведут меж-

ду собою на тему: кто из них лучше и искуснее сплутует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.